

— Как ты можешь не хотеть?

Тело А-Цзы слегка задеревенело, а затем она навалилась через одеяло и принялась беспорядочно целовать меня в лицо, бормоча себе под нос:

— Ты мой, ты принадлежишь А-Цзы, никому не позволено забрать тебя... Хм! Тот волчий демон? А-Цзы не позволит ему увезти тебя, и эта страшная женщина даже не смей... Ты принадлежишь только А-Цзы...

Она уткнулась головой в одеяло, и голос, доносящийся до моих ушей, становился всё холоднее, приобретая даже зловещий, злой оттенок. Я вздрогнул от озноба. В душе я корил себя за беспечность: в конце концов, по своей истинной природе он — демон-змея, и судя по его прежним поступкам, в душе он был несколько искривлен... Жаль только, что сейчас у меня нет духовной силы... Думая об этом, я шарил руками в складках одежды...

— Ты ищешь те лекарства?

Голос А-Цзы заставил меня замереть. Я увидел, как она медленно поднялась, встала с кровати, достала из ящика туалетного столика ночную жемчужину, закрепила её на вершине балдахина и с улыбкой произнесла:

— Тот человек сказал, что у тебя при себе много смертоносных ядов, и А-Цзы испугалась, поэтому помогла тебе их убрать.

Я сжал руки в кулаки и опустил их по бокам. Проклятье! Надо же было ему выгрести всё подчистую! Похоже, он явился сюда во всеоружии...

— Неужели ты, поступая так, ни капли не боишься моего гнева? — холодно спросил я, стараясь не смотреть на её гладкое, нежное тело, сияющее в мягком свете ночной жемчужины.

— Ты не разозлишься, — с абсолютной уверенностью произнес он, широко раздвинув ноги и усевшись верхом на мне, а кончики его пальцев легко скользнули по коже. — Ты не станешь сердиться на А-Цзы.

Я нахмурился, глядя, как одеяло, укрывавшее меня, рвется на куски, и от соприкосновения с прохладным воздухом по коже побежали мурашки. Криво усмехнувшись, я бросил:

— Ты настолько в этом уверен? Что же дает тебе такую уверенность? Я и не подозревал, что по своему великодушию могу сравниться со святыми!

Его движения на мгновение замерли, а затем он облизал губы и, склонившись, взял зубами сосок на моей груди, невнятно и жалобно бормоча:

— ...Я просто знаю это.

Влажное ощущение на груди вызвало у меня тошноту, к горлу подступила кислая желчь. Забыв о последствиях насильственного применения духовной силы, я изо всех сил ударил его ладонью в спину, желая лишь прибить его на месте раз и навсегда. Он не стал уворачиваться и принял удар всей грудью, а затем недоверяюще поднял голову. Я отвернулся, чтобы не смотреть на сочившуюся у него изо рта ярко-алую кровь, подавил бушующую в груди боль и холодно рявкнул:

— Убирайся!

Подождав какое-то время и не услышав от него никаких движений, я повернулся и увидел, что его лицо из ясного превратилось в хмурое, заволокалось грозowymi тучами, а взгляд становился всё более мрачным и холодным. Я невольно вздрогнул, словно меня усталилась разглядывать самая омерзительная змея, и сердце наполнилось отвращением.

В голове зазвенели тревожные звоночки: я ведь давно знал... А-Цзи далеко не так прост, как мне казалось... Обладателем столь чистой улыбки может быть как человек с чистым сердцем, так и конченный извращенец, чья душа искривлена до предела! Судя по тому, как он сначала отравил меня, а потом обыскал и забрал все мои лекарства, похоже, больше подходит второй вариант.

Я... неужели я принял неверное решение и не стоило из-за капли любопытства и сострадания ввязываться во всё это?!

Глядя на помрачневшего лицом А-Цзи, на губах которого тем не менее заиграла улыбка, я завопил про себя: пусть лучше я умру, но я не хочу подвергнуться домогательствам! У мужчин тоже есть честность! О непонятливый ты мой малыш, не кажется ли тебе, что сейчас уже слишком поздно? Кто просил тебя спасти кого попало! О-хо-хо-хо, Тянь-ян, если ты не явишься прямо сейчас, твоего жениха уведут~ Глава тридцать пятая. Пойманные с поличным в постели, заморозка.

Чувство опасности. Беспрецедентное, никогда прежде не испытываемое чувство опасности. Мне отчаянно хотелось сплюнуть от злости: подумать только, сейчас, когда на кону стояло всё, у меня в голове находилось время размышлять о каких-то агитационных плакатах в защиту собственной чести! Его духовная сила и так была запечатана, а только что насильственное её использование вызвало внутренние раны. Поэтому... как это ни стыдно, проклятый сопляк меня связал. Если не считать головы, которая могла поворачиваться, тело не могло пошевелиться ни на йоту. Превозмогая неприятное ощущение от его скользкого языка, блуждающего по моей коже, я лихорадочно соображал, как же пережить нынешнюю напасть. Честно говоря, у меня легкая форма брезгливости к подобному. Если бы мне вздумалось просто плыть по течению и сдаться этому сопляку — об этом не могло быть и речи!

Пушистая макушка тыкалась мне в грудь, длинные пряди волос рассыпались вокруг. Нельзя было отрицать, что проклятый сопляк вырос очень красивым: кожа прекрасная, волосы тоже... но какое всё это имеет ко мне отношение? Прищурившись, я слушал его злобное бормотание: Ты посмел меня ударить, ты действительно посмел меня ударить... плевать, ты мой, только мой!.....

Урр, — поморщившись, я сглотнул рвущийся наружу стон. Ублюдок, да как он смеет так сильно кусаться, возомнил, что это утиная шейка?!

Он постепенно смещался ниже, приближаясь к самому чувствительному месту...

Стараясь не смотреть по сторонам и сосредоточившись лишь на собственных ощущениях, я изо всех сил пытался игнорировать тот факт, что сейчас он сжимал мою самую уязвимую точку, и холодно произнес:

— Если хочешь, чтобы я возненавидел тебя, продолжай в том же духе.

Его движения замерли, а кончики пальцев еще с полминуты мелко дрожали, прежде чем он возобновил свои манипуляции:

— Ненавидь меня, матушка говорила, что чувства, в которых есть и любовь, и ненависть, длятся дольше всего... Я люблю тебя, очень-очень сильно люблю, скажи, что ты тоже меня любишь...

— А-Цзы, — я понимал, что проявлять излишнюю жесткость сейчас — значит лишь вызвать бунт у этого ненормального пацана, а потому, стремясь успокоить его склонную к извращениям натуру, постарался сделать голос как можно более мягким: — Я люблю тебя, иначе стал бы о тебе заботиться, разве нет? Сам подумай, все эти дни я только и делал, что носился как угорелый из-за яда в твоём теле... Кхм, когда яд будет снят, ты станешь свободен. Умница, отпусти меня... Если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, я больше не смогу баловать тебя как младшего брата. Тогда мы даже чужими людьми друг другу не станем...

Черт возьми, выражение моего лица сейчас наверняка было дико перекошенным, а голос то прерывался, то тянулся пугающе неестественно — с нежностью это точно не имело ничего общего.

Этот сопляк поднял голову, склонил набок голову и надул губы:

— Я тебе никакой не младший брат, это ты младший...

Бормоча что-то под нос, он при этом с новой силой сжал пальцы.

Молодой господин пришел в ярость! Надо преподать этому несговорчивому малому хороший урок... Тьфу, я резко втянул воздух. Ублюдок, полегче, это же самое дорогое, что у меня есть, я тебе не евнух при дворе, чтобы вступать в ряды евнухов! Чертовщина! Почему тело такое чувствительное? Понутри разлилась истома, а жар волной устремился в низу живота. Неужели он подсыпал мне какую-то дрянь?..

Ах! Я не хочу лишаться девственности с каким-то молокососом! Тянь-ян еще даже не притрагивался ко мне, как я могу доставить такое удовольствие кому-то другому! Знал бы, не пытался тогда перехватить инициативу в постели, позволил бы Тянь-яну взять меня сверху... Ууу!

Что такое «плакать хочется, да слез нет»? Именно в таком положении я сейчас и находился.

Ах... То самое место оказалось окружено чем-то теплым и мягким, дарящим такое блаженство, что едва не сорвался стон. Нет-нет, нужно успокоиться! Помотав головой, я обратился к

зарывшемуся лицом между моих ног сопляку:

— Я... я три дня не мылся... Нет... я с самого прибытия сюда еще ни разу не мылся...

Да сколько дней прошло с тех пор, как я в последний раз принимал ванну? Кажется, со времен стадии Золотого Ядра я только и пользовался заклинанием очищения от пыли... Неужели я не мылся уже несколько лет?..

Ой, о чем это я вообще думаю?!

— ...Ты вовсе не грязный... — бормотал себе под нос сопляк.

Ублюдок, я и сам прекрасно знаю, что не грязный! Если ты немедленно не остановишься, будет поздно, я уже на пределе... Проклятье, тело абсолютно не подчиняется разуму! Ах... терпеть... больше не могу... Э-э...

Внизу повеяло прохладой, словно при резком торможении на краю девяностоградусного обрыва! В этот самый критический момент сопляк взял и отстранился... Точнее, вытащил изо рта...

Молчание... Неужели он не понимает, что это чревато импотенцией?..

— ...Ты ведь тоже чувствуешь... Ты ведь тоже любишь меня...

— Не страдаю же я какими-то неизлечимыми болезнями, у любого нормального мужчины возникнут ощущения, — мысленно выругался я, силой запуская циркуляцию ци, чтобы подавить поднимающееся внутри вожделение. Но его следующее движение заставило меня едва не задохнуться собственной слюной...

Ублюдок! Если ты посмеешь опуститься, я клянусь разрубить тебя на куски! Как выяснилось, я всё не так понял: не я должен быть снизу, снизу — он! Черт побери, никакой смазки, если он действительно это сделает, мы оба умрем от боли!

— Я приготовлю из тебя змеиный суп, можешь выбрать — варить, тушить, жарить или пассеровать! Смеешь испытывать судьбу — давай, попробуй!

Вот зараза, в обычные дни я слишком мягок, сейчас от моих угроз ни тепло ни холодно.

Он... он... он действительно надул губы и опустился на меня! Я чуть не завопил от боли: казалось, всё сломалось к чертям, до чего же больно!

Я действительно едва не закричал в голос...

А почему не закричал... Да потому что в комнате резко похолодало, воздух будто замерз, превратившись в ледяные глыбы, и каждый вдох стал до ужаса болезненным, отнимающим дыхание...

Я медленно повернул голову и увидел у кровати черную фигуру.

Эта мрачная тень казалась способной заморозить всю кровь в моих венах; во все глаза я начал снизу вверх, миллиметр за миллиметром, переводить взгляд.

Заостренный подбородок, чуть тонковатые губы, прямой нос... Выше — бездонные, словно стоячая вода в пруду, черные глаза, по которым невозможно было прочесть никаких эмоций...

Я запаниковал. В каком же жалкой виде я сейчас предстал: нагой, полностью лишенный духовных сил и с тяжелыми внутренними травмами... А-Цзы уже сполз набок раскисшей лужицей, неизвестно, жив ли вообще. Едва давившее на меня чужое присутствие рассеялось, мне стало уже не до А-Цзы — срочно требовалось хоть во что-то завернуться...

У края кровати валером валялись лишь клочья разодранной в лохмотья ткани — прямо шедевр мышинового мастерства. Не оставалось ничего иного, как схватить простыню и кое-как обмотаться ею, после чего вприпрыжку, на одной ноге, доскакать до шкафа и вытащить хоть какую-то одежду.

Выйдя из-за ширмы, я нос к носу столкнулся с пронзительными черными глазами. Меня прошибла дрожь; опустив голову, я обошел ее стороной, подошел к кровати, набросил простыню на А-Цзы и приложил пальцы к его шее...

Пульс был слабым, но всё же ровным. Я шумно выдохнул: слава богу, жив.

Спину снова обдало холодом, словно я угодил в снежную бурю, так что пальцы аж онемели. Втянув голову в плечи, я подумал: неужели я и правда надел слишком мало одежды?

Повернувшись к стоящей у кровати женщине в черном, я подумал: надо же было ей заявиться так не вовремя! Я попытался изобразить на лице улыбку, дернув уголки губ, но ничего не вышло.

— М-мы... давай поговорим на улице...

Я сбежал оттуда словно ошпаренный, стремясь поскорее вырваться из этого душащего пространства. Оказавшись в саду, я на мгновение замер, глядя на торчащие к небу голые стволы персиковых деревьев. Тяжелое давящее присутствие за спиной и едва слышное дыхание подсказали мне, что она не отстала. Прежде я думал, что с Юнь Цзяньло что-то не так. И её

появление, и появление Тянь Яна выглядели крайне подозрительно, даже их ауры казались похожими... Неужели... они — один и тот же человек?

Тогда эмоции, которые я разглядел в её глазах, и её неприязнь к А Цзы получали вполне логичное объяснение. Но... Тянь Ян, столь гордый человек, стал бы унижаться и наряжаться женщиной? Если бы в тот момент на её месте оказался Тянь Ян, А Цзы уже наверняка лишился бы жизни, да и для меня всё закончилось бы незавидно... В конце концов, как ни посмотри, а со стороны всё выглядело так, будто я лезу на стену.

Всю дорогу мы шли молча, а я в тревоге гадал, какова же связь между Юнь Цзяньло и Тянь Яном...

Кусая губы, я шаг за шагом отсчитывал путь. Меня застали в самый постыдный момент, и я даже не знал, что сказать. Оправдываться? Каких вообще мы с Юнь Цзяньло придерживаемся отношений? Мы едва знали друг друга, друзьями нас назвать было трудно. Сначала я подозревал, что она связана с Тянь Яном, возможно, она и была Тянь Яном... но сегодняшние события показали, что я, судя по всему, ошибся.

Будь здесь Тянь Ян, при всей своей властности и буйном нраве он ни за что не позволил бы А Цзы вести себя столь вольготно. Значит ли это, что всё происходительное прежде — лишь плод моего воображения? Неужели эта хитрая лисица Чу и впрямь искусно скрывалась, а Тянь Ян вовсе не охранял меня из тени...

Не успела эта мысль возникнуть, как её уже невозможно было остановить — она вихрем пронеслась по всей голове. Она — не Тянь Ян, и Тянь Ян ничего не знает. На сердце полегчало, но тут же подступило другое тяжелое чувство.

— Ты... только что... — сжав зубы, я обернулся. Опершись на стебель зеленого бамбука, человек пил из фляги, запрокинув голову. По лицу невозможно было прочесть никаких эмоций, и это заставило меня проглотить готовые сорваться с языка слова. Я попытался объяснить, но с губ сорвались лишь обрывки фраз. Разозлившись на самого себя, я в отчаянии опустил голову и умолл. Да в конце концов, раз она не Тянь Ян, пусть думает что хочет. Прислонившись к бамбуковому стволу и слушая шуршание раскачивающихся листьев, я позволил своему охваченному паникой сердцу постепенно успокоиться. Почувствовав прохладу в ногах, я только теперь сообразил, что забыл обуться. Грубые волокна бамбуковых побегов неприятно кололи ступни, и я подогнул пальцы ног, пытаясь спрятать их под подолом одежды. Холод проникал сквозь стопы, отчего и без того нывший даотай заболел еще сильнее. Я не удержался и тихо застонал.

Над головой раздался глубокий, тяжелый вздох. От этого звука у меня почему-то защемило сердце, а глаза защищало от слез. Я смахнул рукавом предательские капли, выступившие из-за расшатанных нервов, и отвернулся. Мне ведь тоже было страшно. Обижать должны были меня, так почему же казалось, будто это я совершил что-то неправое?

— Держи.

Вместе с голосом появилась сжатая в кулак рука. Она медленно раскрылась, и на ладони показалась пилюля, от которой исходил густой, освежающий аромат. Я тупо уставился на неё, не смея протянуть руку, а по щекам ручьями покатились слёзы. Проклятье, плачу не я, это просто глаза меня не слушаются.

— Эх ты... — снова раздался тяжелый вздох. — Я же говорил не использовать духовную силу насильно, почему не послушал? Получил по заслугам, да?.. Сначала прими Цинлин Дань, подпитай каналы, чтобы не отразилось на реальном мире.

Хрипловатый голос звучал неторопливо, но от его слов мои щеки залились румянцем. Какая позоривная ситуация: мужчина ревёт белугой перед женщиной... Я схватил предложенную пилюлю и проглотил её одним махом, во рту остался лишь чистый травяной привкус. Пощёлкав языком, я подумал, что вкус неплох — такое вполне можно и вместо лакомства погрызть.

Снова вздохнув, я торопливо стер с лица оставшуюся влагу и обиженно надул губы:

— Песок... туда попала песчинка. У меня и духовных сил-то не осталось, даже последняя капля внутренней энергии исчерпалась, вот меня песчинка и обидела...

Голос становился всё тише, а взгляд блуждал по сторонам, не смея встретиться с глазами собеседника. Эту ложь я повторял уже десятки тысяч лет, поверить в неё мог бы разве что дурак, а человек передо мной дураком явно не был.

Она ничего не ответила, глядя куда-то мне за спину. Чуть приподняв подбородок, она скривила губы в насмешливой улыбке. Обернувшись, я разглядел вдали приближающуюся тень — из-за сгустившейся тьмы разобрать что-либо было трудно.

Раздался простодушный голос:

— Молодой господин, это вы? А я уж думал, нечисть какая-то шастает, не знающая покоя.

— ...А-Чжу? — неуверенно переспросил я. Голос был похож, но интонация звучала легкомысленно, словно чуточку иначе.

— Верно, молодой господин, это ваш покорный слуга А-Чжу, — раздался скрипучий звук шагов, и к нам приблизился силуэт с двумя пушистыми круглыми ушками на макушке, широко и радостно скалящийся.

— А это...

— Мимо проходили, сделайте вид, что не заметили, — не дожидаясь моего представления, холодно бросила А-Чжу Юнь Цзяньло.

— О, какая неожиданная встреча, — простодушно рассмеялся А-Чжу.

Я перевел взгляд с ледяного лица Юнь Цзяньло на простодушно ухмыляющегося А-Чжу. Нахмурившись, я опустил голову: за моей спиной определенно творилось что-то странное, отношения между этими двумя явно разладились. Такая мастерица боевых искусств, как Юнь Цзяньло, должна была просто презрительно проигнорировать какого-то мелкого ёкая, зачем ей было задирать А-Чжу? Неужели происхождение А-Чжу тоже не так просто? Мне казалось, что я опутана сетью многослойных ловушек, где на каждом шагу меня ждали неразрешимые узлы.

— Раз всё в порядке, А-Чжу тогда возвращается. Молодому господину тоже пора хорошенько отдохнуть, не переутомляйтесь так сильно.

Глядя на удаляющегося А-Чжу, я погрузился в полное недоумение. Что значила эта их случайная встреча? А фраза про хороший отдых и чтобы я не переутомлялся... должно быть, она касалась тех дней, когда я возился с противоядием... Наверное.

— Чего это ты так странно реагируешь? — раздался у самого уха холодный фырк.

— Э-э... — я резко пришел в себя и, подняв голову, выпалил: — Только не говори Тянь Яну о том, что было!

Если она не Тянь Ян, то инцидент с лазанием по стене можно считать исчерпанным. А если она всё же Тянь Ян, я буду упрямо стоять на своем — врать в любом случае нехорошо. Да... так и решим.

В её глазах мелькнула искра, но ночь стояла слишком темная, и я не успел разобрать выражение её лица, как оно вновь стало прежним. Шагнув назад, она прислонилась спиной к бамбуковому стволу, опустила ресницы и равнодушно произнесла:

— О чём тут говорить? Подумаешь, обоюдное культивирование. Старший наставляет младшего в постижении Пути — в реальности дело обычное, не говоря уже об игре, где мораль и этика отсутствуют начисто. Но позволить какому-то мелкому ёкаю взять себя под контроль — у тебя определенно есть талант...

— Я... я просто потерял бдительность... — я опустил голову. А-Чжу ведь всего пятнадцать, он еще ребенок, кто же мог подумать, что в его голове кроются столь нездоровые мысли.

— Ты вообще помнишь Тянь Яна? Чем он занят в последнее время?

— Ты всё-таки вспоминаешь о нём, какая редкость.

Её язвительные слова вонзились прямо в сердце, пустив корни и дав побеги. Неужели она действительно так думает? Я поднял голову:

— Конечно помню! Я же прячусь от него, а если упущу из виду его передвижения, что мне делать, когда он меня поймает?!

Она ничего не ответила. Мгновенно повисла тишина, атмосфера стала странной. Листва шуршала под ветром, и спустя полминуты, когда мне уже начало казаться, что я веду себя вздорно и капризно, она подала голос:

— Так и хочется свернуть тебе шею, чтобы не мучиться.

От этих слов меня словно сковало льдом. Краем глаза я заметил, как на руках, опущенных вдоль туловища, вздулись вены, а кулаки с хрустом сжались. Сердце вновь испуганно ёкнуло, ледяные оковы растаяли, и я потянулся к ней, желая удержать.

До её руки оставалось всего мгновение, но передо мной взметнулся порыв ветра, поднявший тучу разномастных бамбуковых листьев, и я вынужден был зажмуриться. А когда открыл глаза, фигура человека в черном уже исчезла.

В голове стояла абсолютная пустота. Перед глазами промелькнул прощальный взгляд Юнь Цзяньло, оставленный при прошлой встрече, сменившись только что увиденными вздутыми венами и слегка дрожащими кулаками, а затем вспомнилось её спокойное выражение лица — лишенное ни радости, ни гнева — при виде того, как мы с А-Чжу кувыркаемся неподалеку... И этот знакомый запах свежей травы...

Сделав несколько шагов вперед, я в нерешительности легонько коснулся того самого стебля бамбука, к которому она прислонялась.

Всплеск...

Еще секунду назад пышущий жизнью бамбуковый ствол осыпался прямо под моими пальцами. Я протянул руку, пытаюсь его схватить, но в ладони осталась лишь горстка пыли. Я тупо смотрел на мелкий песок, просыпающийся между пальцами, и вместе с ним рушилась та крепость, что я выстроил в своем сердце.

Подул ветер, подняв в небо вихрь бамбуковых листьев и развеяв по земле горсти серого праха. Пыль исчезла в воздухе, а опавшая листва и сухие чешуйки побегов остались лежать как прежде — казалось, ничего и не было. Бамбуковая роща продолжала шуметь своими неизменными листьями.

Я медленно опустился на корточки, уткнулся лицом в колени и крепко обхватил себя руками. Было больно. Сердце болело сильнее, чем тогда, когда я только получил ранение.

Свесив колени, я кое-как поднялся на ноги и размял затекшие конечности.

Утренний ветерок шевелил бескрайнее море пожелтевшего бамбука, а землю устилал ковер из осыпавшихся бежевых цветочков. Я посмотрел на увядающие бамбуковые стебли, лишённые всякой жизненной силы, и медленно поднял голову. Листья, ещё вчера изумрудные и задорно шелестевшие на ветру, стремительно желтели, а между ветвями из ниоткуда пробивалось бесчисленное множество мелких цветочков.

Бамбук зацвел. А цветение бамбука означает его гибель...

Желтые листья вместе с бежевыми цветами кружились в воздухе, опадая на землю. Простояв так довольно долго, я наконец направился в сторону домика.

Вернувшись в комнату, я застал А-Чжу уже проснувшимся — он сидел на кровати и отрешенно смотрел перед собой. Заметив мое возвращение, его глаза на мгновение вспыхнули, но тут же снова потухли.

Я попросту проигнорировал его, достал из стоящей на столе шкатулки собственные склянки с лекарствами и вышел вон. В самый последний момент мой взгляд упал на шкатулку у ножки кровати; я подобрал её, покрутил в руке и швырнул в сидящего на постели парня:

— Противоядие от твоего яда.

Дзынь.

В ту же секунду шкатулка ударилась о край кровати, отскочила и пролетела прямо у него над лбом, оставив тонкую алую царапину, а рассыпавшиеся пилюли затерялись среди обрывков и лоскутов разбитой одежды. Добравшись до озера, я с помощью духовных камней установил вокруг защитный барьер, отгородив небольшой клочок берега, заросший плакучими ивами. Глядя на раскинувшиеся по водной глади листья лотоса, я погрузился в оцепенение, а затем сел в позе лотоса, приступив к культивации.

Внутри защитного купола царила абсолютная тишина, не было слышно ни звука — только моё собственное неровное дыхание.

Духовная энергия вливалась в тело, словно бурная река в море, растворяясь без следа, не поднимая даже ряби. Горько усмехнувшись, я открыл глаза: заниматься культивацией, когда от твоего уровня толку никакого, — занятие до жути бессмысленное.

<http://bllate.org/book/22448/2359536>